

много бараньимъ супомъ. Затѣмъ обмыли теплою водою израненныя ноги и приложили на нихъ корпію, намоченную въ растворѣ арники, изъ нашей походной аптеки; наконецъ больному дано было пять гранъ хины и онъ уложенъ спать. Немного отдохнувъ, Егоровъ вкратцѣ разсказалъ намъ о своей пропажѣ слѣдующее.

Когда, 30-го іюля, онъ разошелся въ горахъ съ казакомъ Калмынинимъ и пошелъ по слѣду раненаго яка, то вскорѣ отыскалъ этого звѣря, выстрѣлилъ по немъ и ранилъ еще. Якъ пустился на уходъ... Егоровъ за нимъ и слѣдилъ звѣря до самой темноты; затѣмъ повернулъ домой, но ошибся и пошелъ въ иную сторону. Между тѣмъ наступила холодная и вѣтряная ночь. Всю ее, напролетъ, шелъ Егоровъ и когда настало утро, то очутился далеко отъ горъ въ Сыртынской равнинѣ. Видя, что зашелъ не туда, Егоровъ повернулъ обратно къ горамъ, но, придя въ нихъ, никакъ не могъ обознать мѣстность; тѣмъ болѣе, что, какъ на зло, цѣлыхъ трое сутокъ въ воздухѣ стояла густая пыль. Егоровъ рѣшился идти наугадъ и направился къ западу (вмѣсто сѣвера, какъ слѣдовало бы) поперегъ южныхъ отроговъ крайняго хребта. Здѣсь блуждалъ онъ трое сутокъ и все это время ничего не ѣлъ, только жевалъ кислые листья ревеня и часто пилъ воду. «Ѣсть нисколько не хотѣлось,» говорилъ Егоровъ, «бѣгалъ по горамъ легко, какъ звѣрь, и даже мало уставалъ».

Между тѣмъ плохіе самодѣльные чирки износились въ двое сутокъ; Егоровъ остался босымъ. Тогда онъ разорвалъ свои парусинныя панталоны, обвернулъ ими ноги и обвязалъ изрѣзаннымъ на тонкія пластинки пояснымъ ремнемъ. Но подобная обувь, конечно, весьма мало защищала отъ острыхъ камней и вскорѣ обѣ пятки Егорова покрылись ранами. А между тѣмъ ходить и ходить было необходимо — въ этомъ только и заключалась возможность спасенія. Застрѣливши изъ винтовки зайца, Егоровъ содралъ съ него шкуру и подложилъ эту шкуру, вмѣстѣ съ клочками случайно найденной бараньей шерсти, подъ свои израненныя, обернутыя въ тряпки, ноги. Болѣли онѣ сильно, въ особенности по утрамъ, послѣ ночи. Невозможно даже было тогда встать, такъ что Егоровъ выбиралъ себѣ ночное логовище на скатѣ горы для того, чтобы утромъ ползти сначала на четверенькахъ, «размять свои ноги,» какъ онъ наивно выражался. Не менѣе мѣки приносили и ночные морозы, доходившіе въ горахъ, какъ сказано выше, по крайней мѣрѣ до 10 градусовъ, да еще иногда и съ вѣтромъ. Забравшись гдѣ-нибудь подъ большой камень, Егоровъ съ вечера разводилъ огонь, добывая его посредствомъ выстрѣла холостымъ патрономъ, въ который вкладывалъ,